

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94:316.423.6-055.2

ГРНТИ 03.23.55: История России Новейшего времени (с XX в.)

03.61.21: Историческая антропология

DOI 10.35231/25422375_2021_4_110

О.А. Валькова

«Подвластные старики», или обратная сторона равноправия: размышления о «заслуженном отдыхе» женщины-ученого

В статье рассматривается проблема обеспечения достойной старости советских женщин-ученых. Принятые правительством большевиков в 1917–1918 гг. законы, установившие юридическое равноправие женщин в России, в том числе в профессиональной научной деятельности, послужили катализатором коренных изменений существовавшей в стране, основанной на патриархальном укладе общества, системы заботы о пожилых, больных, слабых. Женщины, поспешившие воспользоваться правами, предоставленными им новыми законами, сделавшие стремительную карьеру в профессиональной науке, не задумывались о своей старости. Государство, в свою очередь, обеспечило им пенсионное обеспечение и возможность проживания в домах для престарелых в случае необходимости. Но насколько хорошо работала эта новая система поддержки? В статье этот вопрос рассмотрен на конкретных примерах жизни выдающихся отечественных женщин-ученых с использованием впервые вводимых в научный оборот архивных исторических источников.

Ключевые слова: женщина-ученый, юридическое равноправие, дом для престарелых ученых, Е.П. Фадеева, С.М. Переяславцева, Н.М. Субботина.

Ol'ga A. Val'kova

“Dependent old people” or the reverse side of equality: reflections on the “well-deserved rest” of a female scientist

The article deals with the problem of ensuring Soviet female scientists by the well-deserved old age. The laws adopted by the Bolshevik government in 1917–1918, which established the legal equality of women in Russia, including professional scientific activity, served as a catalyst for fundamental changes in the system of care for the elderly, the sick, and the weak, which previously existed in the country and was based on the patriarchal mode of society. Women who hurried to take advantage of their rights, granted by new laws, made rapid career in professional science, and did not think about their old age. The State, in turn, provided them with pension provision and the opportunity to live in nursing homes if necessary. But how well did this new support system work? In the article, this issue is considered on specific examples from the life of outstanding Russian women-scientists on the base of archival historical sources introduced into scientific circulation for the first time.

Key words: female scientist, legal equality, home for elderly scientists, E.P. Fadeeva, S.M. Pereyaslavl'tseva, N.M. Subbotina.

В научных монографиях, посвященных жизненному и творческому пути ученых, мы практически не найдем упоминаний об их последних годах, если эти годы связаны с тяжелыми болезнями, утратой в той или иной мере когнитивных функций; работ, посвященных истории жизни ученых в специальных домах, созданных для призрения одиноких стариков, также крайне мало. Только в последнее время начали появляться первые исследования по истории «домов для престарелых ученых», существовавших в советский период в Ленинграде и Москве [8; 9; 10].

И причин этого, по нашему мнению, несколько. Первая и, наверно, наиболее важная из них заключается в том, что в истории отечественной науки есть темы, которые можно назвать табуированными, которые обсуждать и изучать не принято, и история старости, периода жизни ученого, когда он или она уже не могут полноценно работать или из-за различных заболеваний не могут не только заботиться о себе, но и осознавать окружающую действительность, безусловно входит в их число.

Другая причина – узость источниковой базы. Те из ученых, которые оставляют воспоминания, естественно, пишут их, пока еще могут это сделать, и последние, часто тяжелые моменты жизни, в воспоминания не попадают. Анализируя же сохранившиеся документы личного происхождения (дневники, личную переписку), историк далеко не всегда может определить степень достоверности содержащихся в них данных, понять, насколько адекватно автор документа оценивал происходившие вокруг него/нее события.

Наиболее информативными источниками в данном случае являются воспоминания близких людей: родственников, учеников, коллег, но и они, как правило, предпочитают не вдаваться в подробности последних лет жизни близких. Это двойное обстоятельство – восприятие обществом глубокой старости как чего-то интимного, возможно, стыдного, о чем публично говорить не принято, и узость источниковой базы – делают подобные темы малопривлекательными для исследователя. Между тем нам этот вопрос кажется чрезвычайно важным.

В настоящей статье на нескольких конкретных примерах мы рассмотрим историю последних лет жизни известных женщин-ученых и проблемы, в основе которых, по нашему мнению, лежала смена общественной парадигмы, произошедшей в начале XX в., а именно признание равных прав женщин на профессиональную деятельность, что привело, по крайней мере, к частичному слому традиционных практик повседневной жизни, отвечавших за организацию жизни пожилых женщин.

Традиционная парадигма заботы о пожилых (и мужчинах, и женщинах), независимо от их профессий, состояла в том, что о них заботится семья: супруги, дети, внуки. Сохранились, например, воспоминания мужа одной из первых отечественных женщин-естествоиспытательниц Елены Павловны Фадеевой (1788–1860), урожденной княжны Долгорукой [5], А.М. Фадеева (1790–1867), которые представляют собой классическое описание именно этой модели устройства общества.

А.М. Фадеев очень подробно рассказал о последних днях жизни своей жены, с которой прожил несколько десятилетий, которую искренне любил и научными занятиями которой также искренне восхищался. Елена Павловна несколько последних лет была парализована, о чем, в свою очередь, писал в воспоминаниях ее внук С.Ю. Витте (1849–1915) [7, с. 13], но ее семья (муж, взрослые уже дети, которых было четверо), слуги преданно ухаживали за ней, что обеспечивало ей не только максимально комфортную при такой болезни жизнь, но и позволяло продолжать заниматься наукой по мере сил [19, с. 216–217]. О последнем дне жизни жены А.М. Фадеев пишет следующее.

«Двенадцатого августа, в четвертом часу утра, доброй, незабвенной жены моей не стало. Дня за два до кончины, она часто дремала в кресле, и вечером накануне смерти, последние ее слова ко мне были: “Не доживу я с тобою, мой друг, до дня нашей золотой свадьбы”. До этого дня оставалось полтора года. В три часа утра она разговаривала с дочерью Надеждой, не отлучавшейся от нее; обрадовала и удивила ее оживлением своего разговора, свежестью и ясностью памяти и мысли своей. Вскоре спустя, дочь снова заговорила с нею, – она не отвечала, хотя спокойно дышала, – казалось, спала. Боясь, не сделалось ли с нею дурно, не получив ответа на вторичный, громкий вопрос, дочь приподняла ее на постели, – мать ее тихо склонила голову на грудь, и без вдоха, без стопа дыхание ее мгновенно прекратилось. Мне сказали об этом утром, когда, встав, я собирался идти пить с ней кофе, как в продолжение всей нашей жизни. Я поспешил к ней в комнату. Она совершенно преобразилась! Все признаки скорби, страданий, болезненных ощущений на лице ее бесследно исчезли; оно выражало блаженно-спокойный, кроткий, отрадно улыбающийся вид. Она скончалась на 71-м году жизни» [19, с. 218].

Мы видим здесь описание идеальной картины достойной, окруженной заботой родных и близких старости и спокойного ухода из жизни. То, что уходившая из жизни мать семейства была еще и хорошо известным в научном мире естествоиспытателем, только добавляло гордости за нее со стороны родственников. Таким образом, система, при которой именно на членов семьи ложилась обязанность по уходу за пожилыми родственниками, работала в Российской империи, хоть, конечно, и не без сбоев и пока женщина, выбравшая в качестве жизненного призвания занятие естественными науками, действовала преимущественно в

рамках своей семьи, сложившаяся система ухода за престарелыми членами общества вполне работала для нее.

Но как только женщина попыталась стать профессиональным ученым, а именно зарабатывать научным трудом себе на жизнь, устоявшаяся система стала сразу давать сбои. У подобных женщин тут же возникли проблемы с созданием своих семей: времени и сил на рождение и воспитание детей не хватало, а мужчины не спешили выбирать себе в жены столь экстравагантных женщин; отношения же со «старой» семьей – братьями, сестрами, другими родственниками – часто становились достаточно далекими, и эти родственники далеко не всегда были готовы взять на себя заботу о пожилой или о попавшей в затруднительное положение дальней родственнице, как это предполагалось общественным договором и общественной идеологией того времени.

Характерным примером «несрабатывания» традиционной схемы в дореволюционный период является судьба Софии Михайловны Переяславцевой (1849–1903) – одной из первых в России женщин-докторов наук, биолога, первой в империи женщины, занимавшей должность заведующей научным учреждением, хоть и не государственным, а принадлежавшим научному обществу – Севастопольской биологической станции [6]. Потеряв работу, не имея право на пенсию в соответствии с законами империи, С.М. Переяславцева оказалась в чрезвычайно трудной жизненной ситуации, а когда к отсутствию постоянного дохода добавилась болезнь, положение стало безнадежным. М.А. Кожевникова, в юности проходившая стажировку на Севастопольской биологической станции у С.М. Переяславцевой и хорошо ее знавшая, описала в посвященном ей биографическом очерке о неожиданно приключившейся в 1903 г. болезни и последних днях жизни подруги, которая неожиданно для всех потеряла сознание во время официального обеда и потом уже так до конца и не приходила в себя.

Коллеги, профессора Николаевского университета, позаботились о ней: поместили ее сначала в одну клинику, потом, недовольные уходом, в другую [11, с. 390]. Однако за нахождение в клинике, уход, лечение надо было платить, а средств у С.М. Переяславцевой не было. Друзьям пришлось организовать сбор средств на ее лечение и содержание, а потом и прощание с ней. Вот что, например, писал неустановленный на сегодняшний день автор Л.А. Хитрово о положении Переяславцевой 31 октября 1903 г.: «Ее здоровье очень плохо; был бронхит в очень обостренной форме, который перешел как будто в легочную <...>¹ с разными осложнениями, изнурение страшное. Положение отчаянное: для лечения нужны деньги, а средств никаких. Спасибо Л.А. Ришави обратил внимание общества на ужасное положение больной, а так хоть с голоду помирай. Благодаря письму Ришави в газету, ей оказывают

¹ Слово неразборчиво.

кое-какую помощь; присылают немного, но и эта лепта есть во благовремени, потому что положительно нужна в [рублях]» [16, л. 1–1 об.].

Заметка с просьбой о сборе средств, о которой идет речь в письме, была опубликована в газете «Одесский листок» (№ 272 за 1903 г.). Она начиналась с краткой биографии Переяславцевой и далее информировала общественность о ее бедственном положении.

«Без всяких средств к существованию, зарабатывая свой скудный насущный хлеб переводами с иностранных языков, среди невероятных материальных лишений, иногда буквально впроголодь, – С.М. продолжала свою научную деятельность, продолжала публиковать свои научные работы, доставившие ей европейскую известность... В качестве старого друга С.М. Переяславцевой, считаю своим долгом настоящим письмом поставить в известность всех ее знакомых и доброжелателей, а равно всех образованных и стремящихся к высшему образованию женщин, о тяжком, почти безнадежном положении С.М. Переяславцевой. Профессор Л. Ришави» [16, л. 9].

В последний путь С.М. Переяславцеву также провожали коллеги. «4-го декабря покойная была похоронена в Одессе, на гроб ее были возложены венки; профессора, студенты, курсистки и друзья провожали ее. Профессорами Реняковым и Ришави были произнесены надгробные речи, отдавшие дань высоте и красоте нравственной личности, и выдающимся ученым заслугам покойной», – писала М.А. Кожевникова [11, с. 389].

Нигде ни разу не попало нам упоминание об участии родственников в судьбе Софьи Михайловны. Увлеченная получением образования и потом научными исследованиями она никогда не выходила замуж и не имела собственных детей. Но на момент ее смерти, по словам М.А. Кожевниковой, у нее было два брата и две сестры и их семьи [11, с. 383]. По сведениям М.А. Кожевниковой родители не поддерживали непонятных для них увлечений дочери научными исследованиями и, по-видимому, порвали с ней отношения, но братьев и сестер С.М. Переяславцева любила, общалась с ними, старалась им помогать. «Сестер и братьев, стоявших в сущности очень далеко от интересов, которыми она жила, Соф. Мих. нежно любила, принимала горячее участие в их жизни и помогала им и советом, и деньгами, как бы мало у нее их не было, в чем мне пришлось убедиться из оставшейся после нее переписки», – пишет М.А. Кожевникова [11, с. 384].

В соответствии с существовавшей в обществе парадигмой именно члены семьи должны были взять на себя заботу об оставшейся без средств к существованию, без собственной семьи больной сестре. Но они этого не сделали. Казалось бы, вполне логичная, хорошо отлаженная и одобряемая обществом и традициями система не сработала. Место родных заняли коллеги. Но болезнь С.М. Переяславцевой

продолжалась два месяца. Что с ней стало бы, если бы она растянулась на годы? На тот вопрос нет ответа.

Современники не совсем безосновательно предполагали, что корень зла скрывался в существовавшей тогда в Российской империи профессиональной дискриминации женщин. Начало XX в. в стране было ознаменовано борьбой за назначение пенсий женщинам, служившим прежде всего учителями и врачами. О женщинах-ученых речи тогда еще не шло – их было еще слишком мало, хотя отдельные прецеденты случались. Например, Николаевская главная астрономическая и физическая обсерватория начиная с 1901 г. писала прошения в Министерство народного просвещения с просьбой разрешить принять на государственную службу на должности астрономов и вычислителей нескольких девушек, работавших в обсерватории вольнонаемными вычислителями [17]. Переписка длилась на протяжении 1901–1903 гг. Получи руководство обсерватории подобное разрешение, девушки приобрели бы право на самые разные служебные привилегии включая пенсии по выслуге лет.

Однако несмотря на то, что Министерство народного просвещения поддержало инициативу обсерватории [17, л. 19], Министерство финансов из года в год высказывалось против. Соображения у них при этом были исключительно практическими, как указывалось, например, в официальном ответе от 8 февраля 1903 г.: «...лицам женского пола, занимающим должности в правительственных учреждениях, служебные права предоставляются вообще лишь в виде изъятия из общего правила и притом некоторым только строго определенным категориям служащих. Допущение изъятий из этого порядка может повлечь за собой дальнейшее расширение круга лиц женского пола с правами государственной службы, что представлялось бы крайне неудобным и нежелательным. Поэтому и ввиду неоднократных указаний Государственного Совета о соблюдении крайней осторожности при предоставлении прав государственной службы я и ныне затрудняюсь выразить согласие на присвоение таковых прав лицам женского пола, занимающим сверхштатные должности в Николаевской Главной Астрономической Обсерватории. Министр Финансов» [17, л. 23–23 об.].

Однако после революции 1917 г. ситуация изменилась кардинально. Юридическая дискриминация женщин, в том числе и в профессиональной сфере, была уничтожена [2]. Но помогло ли это решить проблемы, с которыми сталкивались в старости женщины-ученые или наоборот увеличило их? Рассмотрим далее несколько примеров. После того, как в 1918 г. указы правительства большевиков отменили ограничения, затруднявшие доступ женщин на службу в высшие учебные и научные учреждения, девушки начали строить профессиональные карьеры в науке, отдавая этому занятию все свои силы. Энергичные, целеустремленные, они не признавали преград и запретов: участвовали

в экспедициях в труднодоступные районы, работали в лабораториях с опасными приборами и веществами, посвящали свое время и силы студентам.

Неожиданным, хотя и предсказуемым последствием подобной деятельности стало отсутствие семьи у многих женщин, принадлежавших к первому поколению советских женщин-ученых. Кто-то из них оставался одинокой, не имея постоянного партнера, кто-то, попробовав брак, быстро отказался от подобных отношений и даже заключившие удачный и устойчивый брак, продолжавшийся на протяжении многих лет, часто не родили детей. Конечно, следует учитывать, что в этом виновата не только профессия этих женщин: их юность и молодость пришлась на горы Первой мировой и гражданской войн, голод, холод, разруху – время в целом очень мало подходившее для рождения и воспитания детей. Тем не менее, по нашему субъективному мнению, поскольку каких-либо статистических данных на этот счет нет, большинство из этих женщин все-таки были слишком увлечены своей профессиональной деятельностью и на семью у них не оставалось ни сил, ни времени.

В этом смысле очень характерно объяснение ее бессемейного статуса, данное первой в СССР женщиной, доктором геолого-минералогических наук Верой Александровной Варсанюфьевой (1889–1976) в письме к коллеге и старинному другу, академику АН СССР В.А. Обручеву (1863–1956) 3 мая 1942 г.: «Я с самых юных лет совершенно сознательно строила свою жизнь так, чтобы быть свободным и независимым человеком, не имеющим личной семьи и наоборот имеющим полную возможность отдаться научной работе и путешествиям, о которых я мечтала с детства» [1, л. 15].

Надо отметить, что женщины, добившиеся в советский период высокого научного статуса, как правило, имели хорошие заработки и соответствующее пенсионное обеспечение. Они имели возможность нанять помощниц по хозяйству, которые часто работали на протяжении десятилетий, являясь по существу членами семьи [4]. Проблемы начинали возникать тогда, когда эти близкие люди сами начинали стареть, болеть и уходили из жизни, когда женщина-ученая оставалась фактически одна, сил на организацию собственной жизни не оставалась, а иногда уже не было и осознания происходившего вокруг. Как выяснилось, наличие хорошей пенсии не помогало, когда человек становился не в состоянии распоряжаться своими деньгами. В этих случаях в отсутствие семьи забота о женщине-ученой ложилась на коллег и (или) дальних родственников, если они существовали. Однако подобная парадигма работала не всегда.

Рассмотрим ситуацию, в которой при наличии обеспокоенных друзей, полных хороших намерений, последние годы женщины-ученого, профессора, доктора наук стали чрезвычайно тяжелыми.

В настоящий момент мы не считаем возможным обнародовать имя этой нашей героини. Она родилась в конце XIX в., получила образование до революции 1917 г., начала свою профессиональную деятельность практически во время революционных событий, как и многие ее ровесницы. Происходя из большой и дружной семьи, она всю жизнь заботилась о своих родных, но пережила их всех. Никогда не имела своей семьи и дожив до глубокой старости, осталась совершенно одинокой. Не имея привычки заниматься решением бытовых проблем, возлагавшихся в течение всей ее жизни на домашних помощниц по хозяйству, и будучи уже 85 лет от роду, N. (назовем ее так) прежде всего нуждалась в помощи для разрешения множества бытовых мелочей.

Например, она жила в центре Москвы, в старом доме дореволюционной постройки, в коммунальной квартире. Водонагреватель в ванной комнате пришел в полную негодность, оставив квартиру без горячего водоснабжения. По-видимому, ни соседи по квартире, ни жилищно-эксплуатационная контора ничего не могли или не хотели предпринять. N. пришлось просить о помощи в решении проблемы научное общество, членом которого она состояла. И только после их содействия и вмешательства начальника жилищного управления исполкома Ленинского райсовета ЖЭК получил предписание обеспечить квартиру горячей водой [13]. Однако сохранились сведения о том, что даже распоряжение начальства выполнено не было.

В обнаруженном нами письме за подписью академика А.Л. Яншина (1911–1999), в тот период заместителя академика-секретаря отделения геологии, геофизики и геохимии АН СССР, жилищная ситуация, в которой оказалась N., описана очень подробно: «N. проживает в доме <...>¹, она совершенно одинока и в своем домашнем хозяйстве тесно связана с проживающей там же четой <...>. В квартире, где они живут, сначала вышла из строя ванная комната, затем уборная. Имеется распоряжение начальника Жилищного управления Ленинского райсовета П. Молофеева от 16 октября 1974 г. за № 1084, адресованное начальнику РМУ Ленинского района тов. Королеву В.Г., о необходимости произвести в квартире ремонт и проверить его выполнение не позднее 1 декабря с. г. Однако обследование состояния квартиры показало, что она и соседние с ней квартиры дома, а также лестница нуждаются в капитальном ремонте, который требует переселения жильцов в другие помещения. Если положение действительно таково, то Бюро Отделения геологии, географии и геохимии Академии наук СССР, просит Вас ускорить переселение N. в пригодное для нормальной жизни и работы помещение» [15]. Неизвестно, решилась ли проблема после этого обращения – никого нового жилья предоставлено не было.

¹ В соответствии с законом о неразглашении личных данных мы опускаем точный адрес проживания N.

Но необходимость помощи в решении бытовых вопросов, таких как ремонт и содержание жилья, вопросов, которые уже не под силу решать пожилому человеку, представляет собой только часть проблемы. Пока человек осознавал ситуацию, в которой находился, имел регулярное пенсионное обеспечение, он/она мог попросить о помощи друзей, коллег, организацию, в которой ранее работал/а, обстановка оставалась тяжелой, но решаемой. Настоящие проблемы начинались тогда, когда болезни искажали способность воспринимать и оценивать реальность, и человек лишался возможности понять, что происходит вокруг него, и попросить о помощи.

Именно в такой ситуации оказалась N. через несколько лет после описанных выше проблем с ремонтом квартиры. Ее бывший коллега, назовем его R., зашел ее навестить и положение, в котором она пребывала, потрясло его до глубины души. Потрясло настолько, что он написал несколько писем в различные организации с просьбой об оказании немедленной помощи. Приводим отрывки из одного из этих писем.

«Семь лет назад, когда у N. освободились две комнаты, она, пожалев L., которая жила в подвале с мужем-инвалидом, похлопотала, чтобы эти комнаты отдали последней. Когда N. осталась совершенно одна и почувствовала, что слабеет, она попросила L. вести ее хозяйство. Постепенно L. забрала власть в свои руки – сама получала “за больную” всю пенсию – 160 рублей (хотя N. могла сама расписываться). Не довольствуясь этим, она добилась, чтобы N. обратилась в <...>¹, которая переводила ей пожизненное жалование <...> (157 рублей) на сберкнижку, с просьбой присылать ей эти деньги по почте домой. Как мне сообщили на почте, их тоже стала забирать себе L., пользуясь паспортом N. Когда мы с женой первый раз навестили N. в ноябре прошлого года, мы застали следующую картину:

1. N. сидела в маленькой комнате (столовой), в невероятном беспорядке. Стол завален ненужными бумагами, на подоконнике и окне слой грязи, не поддающийся описанию. Пол явно давно не метен (бумажки, остатки еды, уроненные на пол, оставались там месяцами). Занавеска, сорванная вместе с багетом, валяется смятая на подоконнике или на полу. Книжный шкаф полупустой, а на шкафу, на стульях, століке горы книг, пустых коробок, бумаги и т. д. В горшках завядшие цветы, явно никогда не поливавшиеся.

2. L. без конца нам рассказывала, как она заботится об N., какие разносолы готовит, не спит по ночам, в заботах. Но при этом требовала, чтобы все, кто посещает N., предварительно звонили ей – L. – по телефону, когда собирается прийти, и не приходили к обеду N. – “Она при вас есть не станет”. Когда же мы и другие посетители нарушили это правило, вскоре убедились, что она первый раз кормит N. не ранее двух

¹ Организация, в которой N. состояла.

часов дня, а нередко и позже – в 4 часа, а в 6–7 часов вечера уже отправляет ее спать. Иногда она кормит N. вообще один раз в сутки. Дает ей есть исключительно манную кашу, причем заготавливает ее на 2–3 дня. Обычно каша бывает на воде, без масла, но с большим количеством сахара и с засохшей пленкой на поверхности – совершенно несъедобная. Мы и другие знакомые, посещавшие N., наблюдали обед N. за три месяца более десяти раз, но ни разу не видели ничего, кроме этой каши.

<...>

4. <...> N. постоянно страдает от жажды. 1–2 маленькие чашки спитого кофе в сутки, даваемые ей после обеда, были явно недостаточны. Когда мы ей приносили фруктовые соки, она их пила с жадностью, но L. их со скандалом выбрасывала, явно в расчете, чтобы реже водить N. в туалет.

5. Когда L. перестала нас стесняться, сильно проявилась ее природная грубость. По каждому незначительному случаю, она кричит на N., стуча кулаком по столу, командует и третирует ее самым неподобающим образом. N. буквально терроризирована. Она пугается при каждом появлении L., дрожит, умоляет проходящих сидеть на своих местах неподвижно и ничего не трогать в комнате. Солнце светит ей в глаза, но она не может пересестись на соседний стул – боится: “Я должна сидеть здесь, соседка будет ругаться”. – Она скучает по музыке. Предложили включить радио: – “Что вы, что вы, скорее выключите, будет страшный скандал”. Подушка, на которой сидит N., сбилась комками, но она боится, чтобы ее взбили, поправили: – “Нельзя ничего трогать, что будет, если она увидит. Будет страшный скандал!”» [14].

Письмо с описанием быта и состояния N. занимает несколько страниц. В нем есть жалобы на ограничение общения N. со стороны ее попечительницы, на отсутствие надлежащей медицинской помощи, недостатки гигиенического ухода. Приводятся слова N., просившей о помощи: «Она не раз просила нас взять ее оттуда к себе: “Спасите меня от нее. Неужели я заслужила такую старость? Ну сделайте что-нибудь, чтобы я умерла. Так жить больше нету сил”» [14].

R. с женой попытались помочь, насколько могли: «Мы пытались улучшить условия жизни N. на месте: произвели уборку, вынеся 6 ящиков грязи и мусора только из одной маленькой комнаты, повесили занавеску, на Новый год принесли ей елочку, показали слайды, приносили иллюстрированные издания, починили электричество, сделали специальный стул, чтобы N. могла вставать ночью»; они также проконсультировались с врачами; а R. рассказал о бедственном положении N. на заседании одного из научных обществ, членом которого они оба состояли.

Этот рассказ тут же породил массу слухов, а дальнейшие попытки помочь исправить ситуацию натолкнулись на сопротивление со стороны ухаживавшей за N. соседки L. R. решил исправить ситуацию кардинально и забрать N. жить к себе: у него в квартире была свободная комната. После этого в научном сообществе разразился настоящий скандал: «...наши хлопоты не могли остаться в тайне. Кто-то тотчас сообщил о них L., – писал он. – Для оформления обмена, попечительства, перевода денег на N.¹ нужна была личная подпись N. Мы были сразу же лишены возможности ее получить. L. позвонила мне и заявила, что больше в квартиру нас не пустит (она всегда через дверь спрашивает, кто идет), а также что бумажки от Папанина² ничего не стоят <...> и что обо всех наших шагах ей тотчас же известно от надежного человека» [14].

R. был уверен в корыстной заинтересованности L., надеявшейся получить комнаты N. после ее смерти и пользовавшейся ее деньгами по своему усмотрению при ее жизни. В завершение письма R. писал: «Положение N. похоже на положение захваченного заложника – положение, небывалое в Советском Союзе. Имея 317 р. в месяц, она питается и одевается как нищая. Данные ей государством деньги идут не на успокоение ее старости, которое она заслужила, а на обогащение присосавшейся хищницы» [14].

Письмо R. кажется очень искренним. Он не был близким другом N., их связывали общие взгляды и научные интересы, не более того; не был он, насколько можно судить из сохранившихся документов, и каким-либо образом материально заинтересован в N. Он не входил в круг близких друзей, которые часто бывали у N. еще до ухудшения ее состояния. Насколько правильно он оценил сложившуюся ситуацию? Возможно, она сама не позволяла посторонним убираться в своей комнате, старалась меньше пить, поскольку практически не ходила, и действительно доверяла и дорожила помощью L., которая ее полностью обслуживала. Ее страхи и тревоги также могли быть иррациональными и объясняться заболеванием.

Попытки R. исправить ситуацию натолкнулись на сопротивление не только L., но и коллег N. по научному обществу и даже ее дальнего родственника и окончились не просто неудачей, а публичной конфронтацией. Единственный дальний родственник N. встал на сторону ее помощницы, так же, как и научное общество, членом которого она состояла много лет и которое за ней приглядывало. L. сумела убедить и родственника, и общество в своей правоте. Сохранилось несколько копий черновиков обращения общества в Московское отделение другого

¹ Дальнего родственника N.

² Имеется ввиду контр-адмирал и доктор географических наук И.Д. Папанин (1894–1986), к которому R. обратился за помощью, поскольку тот хорошо знал и уважал N.

научного общества, членом которого состояли и R., и N., с обвинениями R. в самых разных грехах: «Просим президиум Московского филиала <...> общества СССР обсудить действия члена R. С ноября 1975 г. R. стал посещать пенсионера N. и пытаться “организовать” ее жизнь. Вначале эти действия R. и его жены носили более или менее нормальный характер и его помощь была благоприятна для N. Однако примерно с января 1976 г. он пришел к заключению, что за N. нет достаточного ухода, ее питание нищенское, а лечение небрежно и неверно, а ухаживающая за ней соседка по квартире <...> ее обкрадывает. Для спасения N. ее нужно перевести в квартиру семьи R., а затем сдать в дом для престарелых. С этого момента вся деятельность семьи R. была подчинена идее “борьбы за N”. В этой “борьбе” благополучие ее объекта стало заметно страдать» [12], – объясняли ситуацию авторы послания.

Интересна аргументация этого официального обращения: «Эти действия в течение пяти с лишним месяцев создают вокруг N. напряженную нервную обстановку, вредно отражающуюся на состоянии ее здоровья. Достаточно напомнить, что первая же генеральная уборка R. квартиры N., когда он вынес “шесть ящиков (!) мусора” и ненужных “бумаг” так подействовала на N., что она несколько часов лежала без сознания и потом тяжело и долго хворала». И далее: «...сохранение нормальной обстановки жизни N. стало требовать от ее друзей и родственников значительно больше времени и сил, чем до появления R., причем это время тратится не на благо N., а для бессмысленной “борьбы” с ненужными ей, более того, и вредными ей, планами насильственной реорганизации ее жизни» [12]. В итоге авторы обращения просили президиум Московского отделения <...> общества рассмотреть деятельность R., «потребовать возвращения имеющихся у него писем, подписанных И.Д. Папаниным, уполномочивающих его от имени <...>¹ отстаивать интересы N и дезавуировать его, как представителя <...> в этой области». Завершалось обращение следующим: «Мы были бы очень обязаны Президиуму, если бы он постарался повлиять на R., объяснить ему нелепость и бессмысленность его действий, как нам представляется, выходящих за грань нормального поведения достойного человека и выдающегося ученого, каким мы привыкли считать R.» [12]. Это обращение редактировалось многократно. Сохранилось несколько вариантов черновиков, которые, однако, принципиально ничем не отличались друг от друга. Надо отметить, что ни один из вариантов письма не содержит никаких подписей, хотя предполагалось, что их будет несколько.

Неизвестно, было ли отправлено это письмо и чем завершилось все разбирательство. Также трудно понять, как мы писали выше,

¹ Общества.

насколько справедливыми были обвинения R. и также насколько правдивы были его оппоненты. Защищали ли они привычный и удобный образ жизни человека, о котором заботились, или свою репутацию, поскольку занятые повседневными делами неожиданно обнаружили, что не выполнили взятых на себя обязательств в отношении N.? Сейчас ответить на этот вопрос представляется затруднительным. Однако одно вполне очевидно: пожилая женщина-ученый, работавшая всю жизнь, добившаяся высокого положения в профессиональной иерархии и материальной независимости, всегда окруженная множеством людей, в глубокой старости осталась без надлежащей заботы, поскольку близкие ей люди ушли из жизни раньше нее, а адекватной системы социальной помощи не существовало.

Законы, которые позволили женщине заниматься общественной деятельностью, не предусмотрели последствий этой самой деятельности, а именно: возможного отсутствия у женщины семьи и, следовательно, поддержки в тяжелых ситуациях. Разрушив в значительной степени старую, основанную на патриархальном устройстве общества систему поддержки пожилых, больных, слабых, новые законы, казалось, не предусмотрели никакой альтернативы. Однако это было не совсем так.

В обращении, направленном против господина R., не раз звучала фраза о том, что он планировал переправить N. на жительство в дом престарелых, в то время как сама N. против этого возражала. R., правда, заявлял, что никогда не планировал ничего подобного. Но альтернатива небрежному уходу случайной соседки и перегруженных собственными делами бывших коллег все-таки существовала. В стране были созданы дома для пожилых людей¹ и даже специально для «престарелых ученых», причем произошло это еще на заре советской власти. Однако очень легко поверить, что N. не хотела бы переехать жить в дом престарелых, даже ради лучших условий жизни. Посмотрим на еще одном конкретном примере, насколько адекватными и комфортными были эти учреждения.

Астроном Нина Михайловна Субботина (1877–1961) получила путевку в ленинградский Дом для престарелых ученых сразу после его нового, послевоенного открытия в декабре 1946 г. Она была инвалидом детства и своей семьей никогда не имела. После революции 1917 г. Н.М. Субботина жила в семье младшей сестры, помогая растить ее детей, однако семья О.М. Ласберг погибла во время блокады Ленинграда (вся, кроме одного из сыновей), а квартира, в которой они жили, сгорела после попадания снаряда. Н.М. Субботина выжила, поскольку в момент начала войны находилась в Крыму, откуда и эвакуировалась в Туркме-

¹ Аналогии подобных учреждений существовали и в имперский период.

нию, но после окончания войны возвращаться ей было некуда. Получить путевку во вполне привилегированный дом престарелых ученых оказалось непросто, но коллеги и друзья помогли, и Н.М. Субботина была очень рада, хотя условия жизни поначалу оказались совершенно спартанскими. Однако время шло, жизнь постепенно налаживалась, и казалось, все обстояло благополучно [3].

Однако к концу 1950-х гг. в письмах Н.М. Субботиной к друзьям все чаще стали попадаться жалобы на положение дел в Доме для престарелых ученых, который в тот момент передали из управления АН СССР районному собесу, как его называла Субботина. Ей к этому моменту было уже очень много лет; понять, насколько адекватно она воспринимала ситуацию, непросто. Именно поэтому мы не включили эти документы в нашу монографию, посвященную истории жизни Нины Михайловны [3]. Но то, что она чувствовала себя неуютно, некомфортно, что ей казалось, она не контролирует собственную судьбу, – очевидно. Вот, например, что она рассказывала о жизни в доме в письме к своему старинному другу, астроному, члену-корреспонденту АН СССР Г.А. Тихову (1875–1960) 15 августа 1956 г.

«А теперь нас (имеется ввиду Дом для престарелых ученых. – О.В.) перебросили в Ленгорсобес, и они начали хозяйничать: нагнали дюжину полуграмотных баб, которые начали писать доносы на соседок, в комнаты которых вселились, особенно старается старуха, работавшая в Петергофе, продавщицей в овощной лавке (по-видимому осведомитель?). Эта злокозненная особа собрала шесть подписей и потребовала, чтобы [удалили] Неелову, сестру проф[ессора], сотрудника Павлова, которую президиум ВИЭМа устроил здесь после смерти ее брата, физиолога, собес обрадовался и прислал психиатра на обследование и заключение... Однако врач не признал ее душевнобольной, а только травмированной, потребовал для нее отдыха и покоя. Однако гособ[ес] не успокоилось, а прислало другого врача, тоже психиатра, и подготовило путевку в псих[иатрическое] отделение б[ольни]цы Карла Маркса (уж очень им хотелось захватить комнату Нееловой!) обещала кому-то из своих: думают за взятку» [18, л. 125].

Здесь надо заметить, что Н.М. Субботина после перенесенной в детстве болезни осталась глухонемой. Она общалась с окружающими при помощи жестов и/или записок. Появление в доме большого количества постояльцев, у которых не было привычки к письменному общению, сильно усложнило ей жизнь, именно отсюда ее раздраженные слова про «полуграмотных баб». Но в данном случае это раздражение – результат очень серьезной проблемы ежедневного общения.

История с Нееловой сильно беспокоила Субботину. Она не закончилась на принудительных обследованиях и получила вполне печальное продолжение, о котором Нина Михайловна снова рассказала Г.А. Тихову. «Лежа размышляю о древней науке, а также о нашем

народе, пережившем 300 лет рабства и возрождающимся теперь, стряхнув проклятое ярмо произвола, всяких там Салтычих и прочих истязателей, но вижу с печалью, как возрождается эта муть в собесе, истязующих в инв[алидных] домах подвластных стариков! Вот и эта зав[едующая] Ленсобесом [Макарова], как хлопотала взять в свои руки ДПУ¹, а едва захватила, так сократила даже звонки и ночное дежурство к лежачим больным, напр[имер], вдове Шимкевича; отправила несчастную Неелову в психиатрич[еское] отделение б[ольни]цы, хотя три раза присылала психиатров, и ее признали здоровой, но она подослала невзначай санкарету, когда все гуляли, Неелову связали, увезли, напугав до полусмерти, там обрили и два мужика посадили ее в холодную ванну: через неделю она умерла, потрясенная, а это преступление осталось безнаказанное и Макарова (завсобесом) вселила двух мужчин в ее комнату?! Вселила еще 10 психичек из псих[иатрического] диспансера и одну из сум[асшедшего] дома, истеричку, эротичку, которая требовала, чтобы поместили к Гариной-Мих[айловской], иначе угрожала что повесится!! Вселили другую, тоже <...>² простую бабу, которую даже наша завед[ующая] не приняла, а отослала назад, но по вызову Макаровой на <...>³ накричала зав[едующая] собесом “как она посмела послушаться приказа” и снова прислала эту сум[асшедшую] Агафью, которая теперь мучает Над[ежду] Ник[олаевну]!», – рассказывала она в письме от 8 октября 1958 г. [18, л. 139–139 об.] И продолжала далее: «Как же теперь будет дальше? Уехала бы я отсюда, если бы имела хоть малую возможность, но пока могла только поехать на один месяц в “Узкое”, а пока не пускаю к себе никакую бабу и занимаюсь астрономией...» [18, л. 139 об.].

Как и в случае с N., судить о том, насколько адекватно Н.М. Субботина воспринимала реальность, трудно. Видела ли она угрозу там, где ее не было? Были ли вызваны ее страхи переживаниями из-за ухода из жизни хорошей знакомой, болезнью? Или ее разум был совершенно сохранен, она описывала то, что наблюдала и анализировала и у нее действительно существовали причины опасаться за свою жизнь из-за корыстных интересов совершенно посторонних людей, получивших власть распоряжаться судьбами беспомощных стариков? Об этом очень трудно судить.

В последующие годы, судя по описаниям Н.М. Субботиной, условия жизни в доме продолжали ухудшаться. «Собес сильно урезал наш бюджет: питание, одежду, отнял путевки в санатории – я уже два года плачу сама в “Узкое”⁴, и всюду езжу с провожатой за свой счет <...>⁵.

¹ Дом для престарелых ученых.

² Слово неразборчиво.

³ Имя неразборчиво.

⁴ Имеется ввиду знаменитый академический санаторий «Узкое», который в настоящее время находится на территории Москвы.

⁵ Вставка неразборчиво.

Хотели и пенсию урезать до ста руб[лей], но я написала в Совнарком, который ее восстановил полностью 400 р. <...> Собес распорядился чтобы мы прервали контракт с Домом ученых с декабря, а если Пушкин не будет готов, то куда нас денут? Так вот оказия!!?!»¹, – писала она, например, Г.А. Тихову 12 июля 1959 г. [18, л. 145].

Здесь речь шла помимо прочего о планировавшемся тогда переезде Дома для престарелых ученых из центра Ленинграда, где он располагался на улице Халтурина (Миллионной), в г. Пушкин. Этот переезд сильно беспокоил Субботину, поскольку он лишил бы ее всякой возможности посещать музеи, библиотеки, различные научные заседания, сильно ограничил бы общение с друзьями, заходившими к ней «на огонек». Что касается пенсии, то большая ее часть действительно уходила в Дом для престарелых ученых; на руках у постояльцев оставались очень небольшие суммы, не позволявшие им купить самое необходимое. «...в связи с пересмотром нам еще не дают (пенсию. – О.В.) за июль и, по слухам, будут давать только 50 рублей на руки, отбирая остальное в пользу ДПУ!», – жаловалась Субботина еще 15 августа 1956 г. [18, л. 125]. Слухи эти оказались верными. Впоследствии Субботиной приходилось просить помощи у друзей, чтобы купить себе зимнюю обувь или платье, в котором она могла бы пойти на собственный юбилей, устроенный для нее коллегами.

По мере развития событий жалобы на положение в доме престарелых ученых начинают попадаться в каждом письме Субботиной, показывая глубокое неудовлетворение условиями жизни, тревогу, беспокойство. «Кроме того собес безобразничает, захватив нас в свою часть!!! Нагнал сюда человек 10 психических быв[ших] партийцев, но вернее просто бандитов, примазавшихся к партии, а теперь слабых разумом и неудобных для общежития. Что делать? Кроме писания мемуаров для быв[ших] Бестужевских Курсов??² В минуты уныния подумываю сбежать: хорошо бы на Марс! Окажите протекцию!!³ Просто удивительно как всплыл весь этот сор в Доме Престарелых ученых?!!!», – пишет она 26 ноября 1959 г. [18, л. 150 об.].

Надо полагать, что условия жизни в содержавшихся государством домах престарелых не были секретом. Неудивительно поэтому, что Н., речь о которой шла выше, могла совершенно искренне не хотеть переезжать в подобное учреждение, несмотря на наличие в нем хорошего

¹ Н.М. Субботина являлась персональной пенсионеркой Совнаркома РСФСР с 1934 г.

² Н.М. Субботина окончила Высшие женские бестужевские курсы в С.-Петербурге; в последние годы жизни она по просьбе бюро бестужевок написала коротенькие (несколько страничек) воспоминания, которые в настоящее время хранятся в Музее истории С.-Петербургского университета.

³ Г.А. Тихов (1875–1960), корреспондент Н.М. Субботиной, – астроном, член-корреспондент АН СССР, академик АН Казахской ССР, занимался помимо прочего изучением Марса.

ухода. В целом государство, признав равные юридические права женщин на труд в самых разных профессиях, в том числе требовавших высокой квалификации, больших временных затрат, долгих и далеких путешествий, не подумало о том, что подобная занятость женщин сломает стихийно сложившуюся систему заботы о слабых, старых, больных, существовавшую в Российской империи, при которой в абсолютном большинстве сложных ситуаций заботу о нуждающихся родственниках брала на себя семья, точнее, женская часть семьи.

В новых условиях большая патриархальная семья, располагавшая и материальными, и человеческими ресурсами, позволявшими ей осуществлять подобные функции, стремительно разрушалась. Женщины работали вне семьи, посвящали большую часть своего времени этой работе, особенно в таких профессиях, как профессия ученого; у них физически не оставалось сил на создание больших семей или уход за родственниками. Жилищные и материальные условия, в которых жило большинство населения страны, также не способствовали этому. Однако никакой адекватной замены старой разрушавшейся системы создано не было. Новая система государственных домов для престарелых плохо справлялась со своими обязанностями.

Молодые женщины, которые в 1917 г. с энтузиазмом воспользовались предоставленными им новыми правами и посвятили себя карьерам профессиональных ученых, очень часто не задумывались о создании семьи или не смогли ее построить по каким-то причинам, а беспокоиться о том, как они будут жить в старости, по-видимому, не приходило им в голову. В итоге положение тех из них, кто дожил до глубокой старости, оказалось очень непростым. Они попали в зависимость либо от поддержки посторонних людей (соседей), искавших в этих обстоятельствах свои выгоды, либо от коллег и очень дальних родственников, вполне возможно настроенных доброжелательно и готовых помочь, но занятых собственной жизнью и обязанностями, или от государственных учреждений и их, случалось, коррумпированных или равнодушных руководителей. Окончание жизненного пути многих из них оказалось в итоге тяжелым.

В историографии XX в. введение советским правительством юридического равноправия женщин всегда рассматривалось как положительный шаг. И, безо всяких сомнений, так оно и было. Но одновременно оно представляло собой фундаментальное изменение самых основ жизни общества, которое затронуло без преувеличения повседневную жизнь каждого гражданина страны и имело много самых разных, в том числе отдаленных, последствий. Эти последствия, процесс преобразования общественных механизмов, вызванный введением женского равноправия, изучался в отечественной исторической науке очень мало, хотя, безусловно, он заслуживает самого пристального внимания исследователей.

Список литературы

1. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 642 – Владимира Афанасьевича Обручева. Оп. 4. Д. 316.
2. Валькова О.А. Государственная политика в сфере профессионального научного труда женщин в России: конец XIX в. – 30-е гг. XX в. // Расписание перемен: очерки истории образования и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е гг.). – М.: Новое лит. обозрение, 2012. – С. 809–848.
3. Валькова О.А. Жизнь и удивительные приключения астронома Субботиной. – М.: Нов. лит. обозрение, 2021. – 608 с.
4. Валькова О.А. И что за чудо такое – отдых женщин-ученых?.. // Этнограф. обозрение. – 2021. – № 3. – С. 106–117.
5. Валькова О.А. Первая дама естественной истории // Природа. – 2008. – № 3. – С. 91–96.
6. Валькова О.А. Штурмующая цитадель науки: женщины-ученые Российской империи. – М.: Новое лит. обозрение, 2019. – 800 с.
7. Витте С.Ю. Воспоминания. Детство. Царствование Александра II и Александра III (1849–1894). Т. III. – Л.: Госиздат, 1924.
8. Долгова Е.А. Власть, ЦеКУБУ и творческая интеллигенция в социально-экономических обстоятельствах 1920-х гг. // Обсерватория культуры. – 2018. – Т. 15. – № 1. – С. 119–127.
9. Долгова Е.А. На одном крыльце сидели племянник Достоевского, внук Пушкина. Почему известные люди стремились попасть в советские дома престарелых // Родина. – 2018. – № 6. – С. 114–117.
10. Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920–30-е гг. – М.: ИЦ РГГУ, 2020. – 469 с.
11. Кожевникова М.А. Софья Михайловна Переяславцева // Ариян П.Н. Первый женский календарь на 1905 г. – СПб.: паровая скоропечатня «Труд», 1905. – С. 383–390.
12. Личный архив О.А. Вальковой: письмо в Президиум Московского филиала <...> общества СССР [1976]. Черновик. – Б. а.
13. Личный архив О.А. Вальковой. – Малафеев П., начальник жилищного управления Исполкома Ленинского райсовета. Письмо В.Г. Королеву, начальнику РСУ Ленинского РЖУ. 16 окт. 1974 г.
14. Личный архив О.А. Вальковой. – Письмо Р. [1976]. Копия.
15. Личный архив О.А. Вальковой. – Яншин А.Л. Письмо Н.К. Колотыгину, заместителю председателя Исполкома Ленинского райсовета трудящихся г. Москвы. 9 декабря 1974 г.
16. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 575 – Льва Аркадьевича Хитрово. Карт. 2. Д. 14.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 733 Департамента народного просвещения. Оп. 143. Д. 229.
18. С.-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПб филиал РАН). Ф. 971 – Гавриила Адриановича Тихова. Оп. 4. Д. 344.
19. Фадеев А.М. Мои воспоминания // Рус. арх. – 1891. – № 2. – С. 289–329.

References

1. *Arhiv Rossijskoj Akademii Nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences]. F. 642 – *Vladimira Afanas'evicha Obrucheva* [Vladimir Afanasyevich Obruchev]. Op. 4. D. 316.

2. Valkova O.A. *Gosudarstvennaja politika v sfere professional'nogo nauchnogo truda zhenshhin v Rossii: konec XIX veka – 30-e gody XX veka* [State policy in the field of professional scientific work of women in Russia: the end of the XIX century – the 30s of the XX century] // *Raspisanie peremen: Oчерki istorii obrazovanija i nauchnoj politiki v Rossijskoj imperii – SSSR (konec 1880-h – 1930-e gody)* [Schedule of Changes: Essays on the History of Education and Scientific Policy in the Russian Empire – USSR (late 1880s – 1930s)]. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. P. 809–848.

3. Valkova O.A. *I chto za chudo takoe – otdyh zhenshhin-uchenyh?..* [And what kind of miracle is the rest of women scientists?..] // *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. – 2021. – № 3. – P. 106–117.

4. Valkova O.A. *Pervaja dama estestvennoj istorii* [The First Lady of Natural History] // *Priroda* [Nature]. – 2008. – № 3. – P. 91–96.

5. Valkova O.A. *Shturmuja citadel' nauki: Zhenshhiny-uchenye Rossijskoj imperii* [Storming the Citadel of Science: Women Scientists of the Russian Empire]. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. – 800 p.

6. Valkova O.A. *Zhizn' i udivitel'nye prikljuchenija astronoma Subbotinoj* [The life and amazing adventures of astronomer Subbotina]. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 608 p.

7. Vitte S.Ju. *Vospominanija. Detstvo. Carstvovanie Aleksandra II i Aleksandra III (1849–1894)* [Memories. Childhood. The Reigns of Alexander II and Alexander III (1849–1894)]. – Leningrad: Gosizdat, 1924.

8. Dolgova E.A. *Na odnom kryl'ce sideli plemjannik Dostoevskogo, vnuk Pushkina. Pochemu izvestnye ljudi stremilis' popast' v sovetskie Doma prestarelyh* [Dostoevsky's nephew and Pushkin's grandson were sitting on one porch. Why famous people sought to get into Soviet nursing homes] // *Rodina* [Homeland]. – 2018. – № 6. – C. 114–117.

9. Dolgova E.A. *Rozhdenie sovetskoj nauki: uchenye v 1920–30-e gg.* [The Birth of Soviet Science: Scientists in the 1920s and 30s.]. – Moscow: IC RGGU, 2020. – 469 p.

10. Dolgova E.A. *Vlast', CeKUBU i tvorcheskaja intelligencija v social'no-jekonomicheskikh obstojatel'stvah 1920-h gg.* [Power, TseKUBU and creative intelligentsia in the socio-economic circumstances of the 1920s.] // *Observatorija kul'tury* [Observatory of Culture]. – 2018. – Vol. 15. – № 1. – C. 119–127.

11. Kozhevnikova M.A. *Sof'ja Mihajlovna Perejaslavceva* [Sofya Mikhailovna Pereyaslavtseva] // *Ariyan P.N. Pervyj zhenskij kalendar' na 1905 g.* [Ariyan P.N. The first women's calendar for 1905]. – Sankt-Peterburg: parovaja skoropechatnja “Trud” 1905. P. 383–390.

12. *Lichnyj arhiv O.A. Valkovoj* [Personal archive of O.A. Valkova.]. – *Malafeev P., nachal'nik zhilishhnogo upravljenija Ispolkoma Leninskogo rajsoвета. Pis'mo V.G. Korolevu, nachal'niku RSU Leninskogo RZhU. 16 oktjabrja 1974 g.* [P. Malafeev, Head of the Housing Department of the Executive Committee of the Leninsky District Council. A letter to V.G. Korolev, the head of the RSU of the Leninsky RZhU. October 16, 1974].

13. *Lichnyj arhiv O.A. Valkovoj* [Personal archive of O.A. Valkova.]. – *Janshin A.L. Pis'mo N.K. Kolotyginu, zamestitelju predsedatelja Ispolkoma Leninskogo rajsoвета trudjashhihsja g. Moskvy. 9 dekabrja 1974 g.* [Yanshin A.L. Letter to N.K. Kolotygin, Deputy Chairman of the Executive Committee of the Leninsky District Council of Workers of Moscow. December 9, 1974].

14. *Lichnyj arhiv O.A. Valkovoj* [Personal archive of O.A. Valkova.]. – *Pis'mo R. [1976]. Kopija* [Letter R. [1976]. Copy].

15. *Lichnyj arhiv O.A. Valkovoj* [Personal archive of O.A. Valkova.]. – Bez avtora. *Pis'mo v Prezidium Moskovskogo filiala <...> obshhestva SSSR.* [1976]. Chernovik [Without the author. Letter to the Presidium of the Moscow branch of the <...> Society of the USSR. [1976]. Draft.].

16. *Otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki* [Department of Manuscripts of the Russian State Library]. F. 575 – *L'va Arkad'evicha Hitrovo* [Lev Arkadyevich Khitrovo]. Kart. 2. D. 14.

17. *Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arhiv* [The Russian State Historical Archive]. F. 733 – *Departamenta narodnogo prosveshhenija* [Department of Public Education]. Op. 143. D. 229.

18. *S.-Peterburgskij filial Arhiva Rossijskoj akademii nauk* [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences]. F. 971 – *Gavrila Adrianovicha Tihova* [Gavriil Adrianovich Tikhov]. Op. 4. D. 344.

19. *Fadeev A.M. Moi vospominanija* [My memories] // *Russkij arhiv* [Russian Archive]. – 1891. – № 2. – P. 289–329.